

БЕСЪДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ разговорѣ со мною, Карамазовой, Серебряковой и Красоткинымъ Сократъ поддерживаетъ ту мысль, что вообще въ философіи не выяснено и не определено систематическимъ образомъ понятие бытія и что далѣе это понятіе у Канта сходно съ тѣмъ же понятіемъ Юма. Оба эти философа подъ словомъ: бытіе или существование, судя по тому, что явно высказано ими, почти ничего не разумѣютъ, судя же потому, что они принимаютъ тихомолкомъ, подъ сущимъ разумѣютъ они то, что дано чувственному ощущенію. Въ этой бесѣдѣ Сократъ уклоняется нѣсколько въ сторону и, при помощи Синайской, касается вопроса объ такъ называемомъ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія и, во-преки общераспространенному мнѣнію, утверждаетъ, что Кантъ совсѣмъ не опровергъ этого доказательства.

Въ субботу вечеромъ я случайно легъ спать спозаранку, а потому и проснулся на другой день рано. Вспомнивши объ условіи быть сегодня у Сократа, я, по ассоціації ідей, сталъ размышлять о понятії бытія у Канта и старался припомнить нѣкоторыя мѣста объ этомъ предметѣ въ его сочиненіяхъ.—При этомъ припомнаніи я почувствовалъ, что и прежде, и теперь главное затрудненіе заключалось въ неясномъ для меня терминѣ Канта: „положеніе (по нѣмецки Position) вещи“¹⁾. Это „положеніе“, какъ мнѣ казалось,

¹⁾ Объ этомъ „положеніи“ можно прочесть въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта, переводъ Владиславлева стр. 462. Примѣчаніе редакт.

и составляло всю суть и даже всю глубину кантовского понятия о бытии. Безъ этого словечка: „положение“, мнѣ казалось мнѣніе Канта столь простымъ и обыкновеннымъ, что не нужно было быть великимъ философомъ, чтобы думать такъ, какъ думаетъ самый простой человѣкъ, что существуетъ то, что мы видимъ, слышимъ,нюхаемъ, или что дано въ опытѣ вѣшнихъ чувствъ и что, по этому, какъ выражается Кантъ, „понятіе бытія есть опытное понятіе“.

Возбуждаемый желаніемъ поскорѣе выяснить свое недоумѣніе, я быстро вскочилъ съ постели и поспѣшилъ пить чай и одѣваться, чтобы переговорить съ Сократомъ нѣсколько пораньше вдвоеемъ, опасаясь, что, когда придутъ дамы, да Калгановъ, да Красоткинъ, то возникнетъ споръ, который можетъ какъ либо уклониться въ сторону, затянуться и тѣмъ продолжить мое состояніе сомнѣнія.

Часу въ 10-мъ я уже былъ у Сократа и засталъ его пьющимъ чай въ обществѣ какого-то молодаго человѣка. Оказалось, что это былъ студентъ духовной академіи, Синайскій, какъ называлъ его Сократъ, представляя насъ другъ другу. Повидимому, Сократъ и его гость прервали при моемъ появлѣніи происходившій у нихъ разговоръ, а потому, внутренно досадуя на помѣху моему намѣренію, я сказалъ: „пожалуйста, господа, продолжайте вашу бесѣду, которой я, какъ видно, помѣшалъ“.

Сократъ предложилъ, чтобы я налилъ себѣ по вкусу чаю и обратился съ вопросомъ къ своему собесѣднику: „Ну, такъ что же они?“.

Синайскій. Да что же это за наука, говорятъ они, если съ самыхъ оснований ея, съ первого шага начинается разногласіе. Возьмите, говорятъ, математику или физику; тамъ разногласіе, и то очень не на долго, возможно только въ самыхъ новыхъ, въ текущую минуту поднятыхъ, вопросахъ. Все же, что прежде сдѣлано въ науку, всѣми принимается безспорно, за исключеніемъ невѣждъ или какихъ либо чудаковъ, желающихъ прослыть оригиналами.

Сократъ. (Обращаясь ко мнѣ). Это говорять его знакомые и пріятели противъ философіи. (Обращаясь къ Синайскому). Да отъ того философы и разногласяютъ между собою, что все содержаніе той науки, которою они занимаются, состоитъ только изъ однихъ *первыхъ основаній*. Всѣ другія науки, а также математика и физика, именно потому и могутъ развиваться спокойно и при, до извѣстной степени, полномъ согласіи ученыхъ, что первыя основанія для ихъ наукъ приняты ими готовыми и безспорными. Все же остальное содержаніе этихъ наукъ есть только приложеніе къ чувственному опыту этихъ первыхъ основаній, напр., особенно въ физикѣ; или же—выводъ изъ этихъ первыхъ основаній какъ, напр., исключительно въ математикѣ. Хотя эта остальная часть содержанія этихъ наукъ образуется и медленно, но идетъ вѣрнымъ путемъ, руководясь твердо установленными законами логики и методологіи, общей и частной. Чѣмъ была бы математика безъ понятія *величины*, т. е., безъ признанія чего то такого, что можетъ быть больше и меньше? Далѣе, чѣмъ была бы она безъ признанія *тождества* вообще и затѣмъ *тождества по величинѣ*, или равенства? Чѣмъ была бы она безъ понятія обѣ *единицъ* или обѣ *единомъ* въ противоположность *множеству*? Могла-ли бы сдѣлать математика хотя одинъ шагъ впередъ, если-бы ей нужно было заниматься вопросами о томъ, какое мы имѣемъ право понимать что либо тождественнымъ, что либо равнымъ и затѣмъ что либо противоположнымъ равному, т. е., большимъ или меньшимъ, понимать что либо единымъ?! Есть ли у математики забота о томъ, существуютъ-ли единицы и множество ихъ, существуетъ-ли тождество? Могла ли бы существовать геометрія, если бы у ней отнять право на понятіе непрерывнаго и бесконечно-дѣлимаго пространства? Могла ли бы существовать физика, если бы у ней отнять право признавать, что подъ видимымъ цвѣтомъ и слышимымъ звукомъ есть нечто, которое не есть этотъ цвѣтъ или звукъ и которое наполняетъ пустое пространство, перемѣняетъ въ немъ положеніе или движется? Что было бы съ математикой, если бы кто нибудь принялъ въ серьезъ

нападенія, напр., Юма¹⁾ на геометрію и объявилъ бы вмѣстѣ съ нимъ ложными ея понятія о геометрическомъ *равенствѣ* фігуръ и обѣ ихъ безусловномъ *сочиненіи* другъ съ другомъ, или утверждалъ съ нимъ ложность геометрическаго понятія о *прямой линії*, или утверждалъ невозможность *дѣленія прямой линії* и вообще *пространства* до безконечности и т. п. Конечно, геометры, вмѣсто открытія новыхъ теоремъ, превратились бы въ философовъ и начали бы спорить обѣ эмпірическомъ или интуитивномъ, или еще какомъ либо происхожденіи аксіомъ и геометрическихъ основныхъ понятій. Такъ то и всѣ другія науки стоять на готовомъ основаніи, а потому и могутъ болѣе или менѣе успѣшно идти далѣе.

Синайскій. А что если они на это скажутъ, какъ я слышалъ отъ одного серьезно занимающагося географіею учителя, что намъ нѣтъ никакой надобности входить въ нескончаемые споры о происхожденіи и дѣйствительности этихъ первыхъ основаній наукъ. Вѣдь, на дѣлѣ оказывается, что эти основанія, откуда бы они ни происходили, вѣрны; годность и значеніе результатовъ изъ этихъ готовыхъ основаній въ математикѣ и естественныхъ наукахъ ручается за вѣрность и годность самихъ основаній. Что намъ за дѣло до того, откуда мы беремъ наши понятія величины, тождества, различія, равенства, единицы, непрерывнаго и безконечно-дѣлимаго пространства, прямой и кривой линіи въ математикѣ, или матеріи, наполняющей пространство, въ физикѣ? Далѣе, что намъ за дѣло до того, существуетъ ли или не существуетъ единство, тождество, пространство и матерія и т. п., если приложеніе этихъ понятій сперва въ математикѣ, механикѣ и физикѣ, а потомъ въ практическихъ прикладныхъ наукахъ отлично помогаетъ намъ строить зданія, мосты, желѣзныя дороги и т. д.?!

Значить,—вмѣсто без-

¹⁾ По поводу этихъ мнѣній Юма позволю себѣ предложить читателю справиться въ моей книгѣ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“, Кіевъ. 1884 года. Глава II-я. Примѣчаніе редактора.

плодныхъ занятій философией, не лучше ли дѣлать дѣло, т. е., заниматься науками и улучшать нашу жизнь!

Сократъ. Вашъ знакомый, должно быть, побыль въ атмосферѣ позитивизма, ибо это направление становится теперь популярнымъ и начинает принимать общедоступныя и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно *вульгарныя* формы. Вашему знакомому и ему подобнымъ людямъ мы можемъ сказать, что самая главная ошибка высказанного имъ взгляда состоитъ, по моему, въ томъ, что онъ совершиенно условное и имѣющее основаніе только во внѣшнихъ причинахъ, именно, въ слабости индивидуальныхъ силъ, раздѣленіе знанія на различныя и частныя науки возводить въ безусловный законъ, лежащій въ самой сущности знанія. Напротивъ, если принять въ соображеніе эту сущность, то отдельныхъ наука нѣтъ и не должно быть. Есть *одна только наука*, одинъ организмъ знанія, какъ есть одна только органическая жизнь. Если мы будемъ принимать, напр., гигиеническія мѣры для правильности функций нервной системы, органовъ движения, органовъ дыханія, оставивъ безъ заботъ и въ пренебреженіи органы пищеваренія и кровообращенія, то несомнѣнно придемъ къ разстройству всей нашей органической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ самыхъ органовъ, о которыхъ мы заботились. Точно тоже можно сказать и о системѣ знанія. Оно, подобно самой познающей душѣ, *едино и нераздѣльно*, выражается ли оно въ первыхъ основныхъ понятіяхъ и въ ихъ приложenіи къ опыту, или же въ выводахъ изъ нихъ, или же въ объясняющихъ факты гипотезахъ. Такъ какъ эта душа, кроме познанія, проявляется и въ другихъ дѣятельностяхъ, напр., въ желаніи и чувствѣ, то, конечно, знаніе служитъ средствомъ или орудіемъ для этихъ дѣятельностей: нельзя желать, не зная желаемаго объекта, нельзя чувствовать безъ представленія. Но, служа орудіемъ для другихъ потребностей духа, знаніе также и само по себѣ есть потребность и цѣль того же духа и въ качествѣ этой цѣли получаетъ форму *истинны*, т. е., такихъ понятій или сужденій, съ которыми соединено *сознаніе* полной увѣренности и ничемъ не возмущаемой яс-

ности въ нихъ. Далѣе къ этому уже сознанію присоединяется другое сознаніе: сознаніе чувства истины, чувства на столько интенсивного и мощного удовлетворенія, что оно не рѣдко безстрашно борется и побѣждаетъ величайшія угрозы и страданія. Конечно, я думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что самое интенсивное чувство истины соединено съ сознаніемъ обладанія философской истиной. Съ другой стороны не вѣрно и то, что могутъ быть приобрѣты помимо философіи тѣ первыя основанія, на которыхъ стоятъ другія науки, напр., математика и естествовѣденіе. Въ древности была собственно одна наука, именно, философія, и только въ новое время началось обособленіе наукъ въ различныя специальности. Поэтому первыя основанія древней математики и геометріи получены этими науками отъ философіи, ибо тогда люди, специально потомъ получившіе имя философовъ, какъ напр., Платонъ или піеагорейцы, были въ то же время и математиками. Точно также и люди, занимавшіеся специально математикою, какъ напр., Іеодоръ Киренейскій, встрѣчаемый въ платоновомъ діалогѣ: „Теететъ“, были въ то же время и философами. Тѣсная связь математики и естествовѣденія съ философіей и взаимная помощь ихъ другъ другу продолжались透过 всю исторію науки до нашего времени. Не забудемъ, что такие великие философы, какъ Декартъ, Лейбница, Кантъ были и великими учеными въ математикѣ, или въ физикѣ. Точно также такие ученыe, какъ Галилей, Кеплеръ, Даламберъ, Ньютонъ, Гюйгенсъ и проч., принимали участіе и въ движениі философской мысли своего времени. Да и теперь не рѣдко выдающіеся ученыe, напр., Риманъ¹⁾, Гельмгольцъ принадлежать къ тому или другому философскому направлению. Узенький позитивизмъ частныхъ наукъ, въ послѣднее время ничего не хотящій знать о философіи, охватывается по преимуществу заурядныхъ деятелей математики, естествовѣденія или историческихъ наукъ.

¹⁾ Риманъ, известный математикъ, былъ гербартіанецъ. Примѣченіе редактора.

Если бы этотъ позитивизмъ и научная спеціалізація дошли до той степени развитія, къ которой они, по видимому, обнаруживаютъ стремленіе, то въ интеллигентныхъ слояхъ общества распространялась бы такая *дикость и ограниченность*, что подверглись бы опасности самые важные интересы умственного и вообще культурного прогресса человѣчества. Теперь, вѣроятно, всякий встрѣчалъ такихъ ученыхъ-спеціалистовъ, которые, ничего не зная и не желая знать кромѣ какой либо вѣточки изъ наукъ естественныхъ, или историческихъ, или филологіи, представляютъ такія уродливыя явленія въ умственномъ, въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ, что всѣмъ мыслящимъ людямъ надобно энергично присоединиться къ тѣмъ голосамъ въ европейской литературѣ, которые уже начали протестовать противъ постоянно разростающейся спеціалізаціи наукъ.

Синайскій. Да, вотъ еще о чёмъ я хотѣлъ съ вами пословѣтиться, Сократъ Ивановичъ! Не рѣдко приходилось мнѣ въ спорахъ съ ними указывать на великую важность и необходимость философіи и въ настоящую минуту, и въ будущее время при решеніи вопросовъ нравственныхъ и соціальныхъ. Но и тутъ они отвергаютъ надобность философіи и говорятъ, что въ этихъ вопросахъ она не только ничего не выяснитъ, а скорѣе запутаетъ. Для решенія нравственныхъ и соціальныхъ задачъ мы можемъ, по ихъ мнѣнию, руководиться современной этикой и соціологіей, разработываемыми на эмпирическомъ основаніи. Нѣкоторые же изъ моихъ товарищей, не ссылаясь на этику и соціологію, считаютъ совершенно достаточнымъ руководиться въ этомъ отношеніи учениемъ религіи....

Въ это время въ передней послышался шумъ и голоса вошедшихъ людей, и Сократъ вскорѣ обратился къ Синайскому съ словами: „къ сожалѣнію, сейчасъ я не свободенъ бесѣдовать съ вами объ этомъ весьма важномъ и интересномъ вопросѣ; при следующемъ свиданіи мы обстоятельно займемся имъ“.

Въ комнату вошли Карамазовъ съ Калгановымъ и объявили,

что вслѣдъ за ними юдуть и дамы. Сократъ, поздоровавшись съ ними, познакомилъ ихъ и съ Синайскимъ; и когда онъ хотѣлъ уходить и сталъ прощаться съ хозяиномъ, то Сократъ удержалъ его, говоря, что ему будетъ, вѣроятно, интересно присутствовать при бесѣдѣ, которая начнется тотчасъ по приѣздѣ дамъ. Синайский на это согласился и остался.

Калгановъ. Ну, Сократъ Ивановичъ, вчера я былъ у нихъ (указывая на Карамазова) и видѣлъ, что Катерина Ивановна прігласла цѣлый кулекъ разныхъ снадобій для „отечественаго симпозіона“.

Сократъ. (Улыбаясь). Всякое даяніе—благо, и спасибо Катеринѣ Ивановнѣ, что она балуетъ служителя философіи, который, по сластолюбію своему, въ питіи и яствіи слѣдуетъ примѣру не философовъ, а жрецовъ, разумѣется, языческихъ.

Въ это время появились и Карамазова съ Серебряковой.

„Вотъ“, говорила Катерина Ивановна, передавая Сократу кулекъ: „тутъ разные припасы, которые позвольте предложить вамъ для вашего отечественаго.... забыла, какъ онъ называется“.

„Отечественаго симпозіона“! подсказалъ Калгановъ.

„Большое вамъ спасибо“, отвѣчалъ Сократъ, принимая кулекъ, „за вашъ даръ! Я сейчасъ же передамъ его въ надежныя руки хозяйки для надлежащаго употребленія“.

При этихъ словахъ дамы какъ-то вопросительно посмотрѣли на Сократа.

„Я, вѣдь, не совсѣмъ бобылемъ живу“, сказалъ онъ, улыбаясь и какъ бы отвѣчая на вопросительный взглядъ, и затѣмъ сдѣлалъ два удара кулакомъ въ одну изъ стѣнъ своей комнаты, въ которой мы все находились.

„Кстати, скажите, Сократъ Ивановичъ, что значитъ этотъ симпозіонъ?“ спрашивала между тѣмъ Катерина Ивановна.

Сократъ. Симпозіонъ, по гречески, значитъ пиршество или, точнѣе, попойка. Такъ назвалъ великий философъ, божественный Платонъ, одинъ изъ своихъ глубочайшихъ и въ то же время пре-

лестнѣйшихъ діалоговъ, который я и совѣтовалъ бы вамъ прочесть, хотя бы и въ нѣсколько топорномъ перевѣдѣ Карпова.

Въ это время въ комнату вошла чрезвычайно раскраснѣвшаяся дѣвочка лѣтъ 14-ти, которую Сократъ представилъ дамамъ, какъ свою дочь, а также и мужчинамъ, которые были съ ней не знакомы, за исключеніемъ одного Калганова, который былъ, по видимому, хорошо знакомъ съ нею, потому что привѣтливо поздоровавшись, сейчасъ же началъ шутить съ нею.

Калгановъ. (Обращаясь къ Катеринѣ Ивановнѣ и указывая на дочь Сократа). Вы подумаете, что Александра Алексѣевна такъ раскраснѣлась отъ смущенія передъ незнакомымъ обществомъ, и вполнѣ ошибетесь; она дѣвица весьма не робкаго десятка и раскраснѣлась отъ того, что въ кухнѣ принимала горячее участіе въ произведеніи пирога для „отечественнаго симпозіона“. Я этотъ пирогъ особенно люблю и съ удовольствіемъ воображаю то время, когда Александра Алексѣевна будетъ печь этотъ пирогъ исключительно для меня, ибо уже давно рѣшено, что она, по выходѣ изъ гимназіи, выйдетъ за меня замужъ. (Калгановъ былъ холостякъ).

Дочь Сократа. Какъ же?.. такъ и ждите, что-бъ я вышла за васъ. Вы постоянно спорите съ папой, и я ужъ давно объявила вамъ, что выйду замужъ только за того, кто будетъ съ нимъ во всемъ согласенъ.

Калгановъ. Ну, въ такомъ случаѣ вамъ ни за кого и не придется выйти замужъ, потому что никто никогда не согласится съ вашимъ папой.

Дочь Сократа. Да и не нужно! Мы и вдвоемъ сънимъ проживемъ, какъ и теперь живемъ.

Сократъ. Спасибо тебѣ за твою защиту, милая дочка! Вотъ, возьми же этотъ кулекъ съ припасами для симпозіона и проведи туда (указывая на соседнюю комнату) этихъ дамъ. Сейчасъ мы придемъ туда-же.

Тогда дѣвочка, взявшіи кулекъ, повела обѣихъ дамъ въ ту комнату, гдѣ мы прошлый разъ завтракали. Пошутивши нѣсколько по

поводу предшествовавшей сцены и бойкости, обнаруженной дочерью Сократа, мы перешли въ соседнюю комнату, куда вышли и дамы изъ комнаты, бывшей съ ней рядомъ и, вѣроятно, занимаемой дочерью Сократа, которая тутъ однако не осталась и вышла въ кухню по хозяйству.

Въ это время вошелъ въ комнату Красоткинъ, и когда всѣ присутствовавши размѣнялись съ нимъ привѣтствіями, то Сократъ прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ о моихъ недоумѣніяхъ по поводу понятія бытія у Канта.

Я. Какъ вы, конечно, знаете, въ сочиненіяхъ Канта есть два мѣста объ этомъ понятіи, а именно въ одномъ изъ его ранніхъ сочиненій, кажется въ 1763 году, тѣ Кантъ предлагаетъ свое основаніе для доказательства бытія Божія, находя неудовлетворительными онтологическое и другія доказательства, господствовавшія въ то время въ вольфіанской школѣ; другой разъ понятіе бытія является у Канта въ „Критикѣ чистаго разума“, тѣ Кантъ вообще объясняетъ невозможность доказать существованіе Бога посредствомъ разума и опять предлагаетъ критику того же школьнаго онтологическаго доказательства; опредѣленіе бытія, данное въ обоихъ случаяхъ Кантомъ, совершенно одинаково. Мнѣ, признаться сказать, не совсѣмъ вразумительно это опредѣленіе, и я хотѣлъ съ вами обѣ немъ пословѣтovаться. У Шопенгауера, сколько я знаю, также не высказывается опредѣленного и яснаго взгляда на понятіе бытія, да кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ онъ относится къ этому понятію различно.

Сократъ. Извините, господа, если я предложу, чтобы дамамъ дать преимущество всегда предлагать свои вопросы, хотя бы они сами и не вели разговора. Я, вотъ, сейчасъ замѣтилъ на лицахъ ихъ обѣихъ большое недоумѣніе и полагаю, что оно происходитъ отъ непонятности для нихъ словъ: „онтологическое доказательство бытія Божія“.

Карамазова. Вполнѣ угадали.
Серебрякова. И я не понимаю этихъ словъ.

Сократъ. Сперва нужно объяснить слово: *онтология*. Слово это греческое и значитъ: *наука или учение о существующемъ*. Такъ очень долго назывался отдѣль философіи, излагавшій понятія о самыхъ общихъ свойствахъ всего существующаго. Въ послѣднее время этотъ терминъ сталъ почти не употребителенъ. Ученіе же, которое излагалось въ онтологии, теперь излагается подъ именемъ метафизики или теоріи познанія, разумѣется, въ тѣхъ философскихъ системахъ, которые признаютъ метафизику, или *ученіе о посредникахъ основаніяхъ бытія и знанія*. Тѣ же направленія, какъ напр., позитивизмъ, феноменизмъ, которыя отрицаютъ субстанціальное или вѣчное бытіе, и которыя, подобно Шугаеву, не придаютъ никакого значенія понятію бытія и видятъ въ существахъ какіе то *пушки* или *совокупности* качествъ, никому не принадлежащихъ и, Богъ знаетъ откуда, появившихся,— эти направленія какъ онтологію, такъ и метафизику считаютъ вздоромъ.

Серебрякова. А что значитъ слово: *онтологическое доказательство бытія Божія*?

Сократъ. Такъ называлось доказательство существованія Бога, необходимо вытекавшее изъ самой мысли о его существѣ. Иначе говоря, онтологическое доказательство претендовало на то, что нельзя подумать о такомъ существѣ, какъ Богъ, не признавая тѣмъ самымъ его бытія.

Серебрякова. Все таки я изъ этого ничего еще не понимаю.

Сократъ (обращаясь къ Синайскому). Какъ вы думаете, Петръ Семеновичъ? намъ этого дѣла нельзя выяснить, не вдавшись въ исторію о происхожденіи онтологического доказательства? Вы говорили мнѣ какъ то, что хотѣли писать сочиненіе объ этомъ предметѣ; такъ не можете ли намъ объяснить его по короче.

Синайскій. Попытаюсь, хотя думаю, что не сумѣю кратко объяснить эту вещь. Доказательство, специально известное въ философіи подъ именемъ *онтологического*, высказано было въ Европѣ въ 11-мъ вѣкѣ Ансельмомъ, бывшимъ сперва аббатомъ въ Нормандіи, а потомъ примасомъ Англіи, архіепископомъ Кентерберійскимъ.

Ансельмъ, признанный святымъ католическою церковью, въ теченіи долгаго времени съ величайшею энергию старался найти такое строго логическое доказательство бытія Божія, что бы оно не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію и было безусловно непоколебимо для мыслящаго разума.

Карамазова (къ Синайскому). Мнѣ странно, о чёмъ хлопоталъ этотъ Ансельмъ, признанный хотя и католическою церковью, но все таки святымъ. Неужели онъ могъ самъ сомнѣваться въ бытіи Божіемъ?

Синайскій. Конечно, самъ онъ не сомнѣвался въ этомъ, но онъ держался такого *принципа*, что все, во что христіанинъ вѣруетъ на основаніи Божественного Откровенія и на основаніи своей принадлежности къ церкви, должно было быть понято и оправдано разумомъ. Христіанское же ученіе о Богѣ предполагаетъ, что язычники, къ которымъ оно обращалось съ проповѣдью, не сомнѣваются въ существованіи Бога, хотя и понимаютъ Его ложно и неправильно. Ансельмъ былъ христіанскій богословъ, но въ тоже время и ученый философъ, а потому естественно хотѣлъ поставить вопросъ о существованіи Бога въ строго логической и соответствующей требованіямъ тогдашней науки формѣ, такъ чтобы это существованіе было признано однимъ разумомъ человѣческимъ помимо ученія о Богѣ, основанного на Божественномъ Откровеніи, чтобы невѣрующій въ христіанскую религию не могъ отзываться тѣмъ, что онъ вообще не признаетъ существованія Бога. Нѣсколько лѣтъ Ансельмъ былъ до того занятъ обдумываніемъ своей задачи, что оно смущало его даже во время церковной службы и совершенія таинствъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, которыхъ не удовлетворяли его, Ансельмъ наконецъ успокоился, разрѣшивши вопросъ, какъ казалось ему, вполнѣ удовлетворительно.

„Безумный, отрицающій Бога, разсуждалъ Ансельмъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ своимъ разумомъ и своимъ собственнымъ отрицаніемъ. Или иначе говоря, отрицаніе Бога есть мысль, заключающая въ себѣ противорѣчіе. Противорѣчіе со-

стоитъ въ томъ, что отрицающій, конечно, долженъ разумѣть что либо подъ тѣмъ, что онъ отрицаетъ, т. е., имѣть понятіе или какую либо мысль о Богѣ. Богъ, по общему понятію объ Немъ, разсуждаетъ Ансельмъ, есть и нѣчто величайшее или и нѣчто такое, больше чго нельзѧ себѣ представить. Значитъ, отрицающій Бога какъ бы говорить такія слова: „я думаю о томъ, больше чго нельзѧ себѣ представить, и въ тоже время думаю, что это самое наибольшее не существуетъ“. Конечно, подобныя слова суть безмыслица и на нихъ можно было бы сказать: „какъ же ты думаешьъ о томъ, больше чго нельзѧ себѣ представить, а между тѣмъ думаешьъ, что это самое не существуетъ, не имѣть бытія, т. е., не имѣть того, что имѣть всякое ничтожество, однимъ словомъ, всякая вещь, которая существуетъ“. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе, что невѣрующій, желающій отрицать Бога, и ради этого отрицанія подумавшій о Немъ, тѣмъ самымъ, т. е., одною мыслю о Богѣ, и призналъ бы Его бытіе, ибо мыслить о Богѣ и не признавать Его бытія, значило бы то же, что вовсе не думать о Немъ, что противорѣчило бы намѣренію отрицать.

Серебрякова. Но я вотъ чго не понимаю, съ какой стати и какое право я имѣю думать о чмъ либо величайшемъ?

Синайскій. Съ этимъ вопросомъ обратитесь уже къ Сократу Ивановичу, а я свою обязанность окончилъ.

Сократъ. Думать вы имѣете право о чмъ угодно, конечно, только такъ, чтобы ваша мысль была мыслью, а не пустымъ словомъ или выражениемъ какой либо безмысленной фантазіи. Напр., если вы вообразите и будете говорить о существованіи горъ безъ долинъ, то это была бы не мысль, а безумная противорѣчивая фантазія, ибо горы безъ долинъ не мыслимы. Что же касается до мысли о чмъ нибудь величайшемъ, т. е., больше чго нельзѧ себѣ вообразить, то, по Ансельму, это вовсе не есть безмыслица, потому что эта мысль не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Что существуетъ чо либо большее, чмъ все другое, полагаетъ Ансельмъ, есть возможность, которую можно допустить и мыслить. Что же касается

до того, съ какой стати вы будете мыслить объ этомъ или какой можетъ быть мотивъ для того, то онъ можетъ заключаться въ потребности человѣка думать обо всемъ существующемъ, не только въ данную минуту представляющемся существующимъ, но и о возможномъ. Конечно, нужно чтобы эта потребность естественно вызывалась какою либо серьезною надобностю, напр., объяснить происхожденіе или родъ и способъ бытія чего либо непосредственно данного и т. под.

Серебрякова. Но еслибъ я сказала, что я не хочу думать о какихъ либо возможностяхъ?

Сократъ (улыбаясь). Что-жъ дѣлать? Мы, конечно, не стали бы принуждать васъ думать и только бы отмѣтили себѣ на память, что Анна Михайловна не имѣеть охоты думать и узнать что либо сверхъ того, что ей, такъ сказать, насильно представляется передъ глазами или, иначе говоря, что она не имѣеть охоты къ расширѣнію круга своей мысли и своего знанія. Впрочемъ, въ философіи существуетъ воззрѣніе, что мысль о Богѣ есть необходимая мысль, т. е., что она необходимо возникаетъ въ насъ въ силу нашей природы. Но я не буду вдаваться въ эту тему, потому что разсмотрѣніе ея очень отдалитъ насъ въ сторону, а кромѣ того съ большимъ удобствомъ намъ придется сдѣлать это впослѣдствіи.

Красоткинъ (обращаясь къ Серебряковой). Позвольте мнѣ, Анна Михайловна, отвѣтить за васъ Сократу Ивановичу, если онъ ничего противъ этого не имѣеть.

Сократъ (улыбаясь). Уже решено, что дамы могутъ предлагать вопросы, а прежде было решено, что, по ихъ желанію, ихъ могутъ замѣщать и мушкины.

Серебрякова. Да! помогите мнѣ, Николай Ивановичъ. (Смѣясь). Мнѣ все кажется, что Ансельмъ, а, пожалуй, за нимъ и Сократъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Г-номъ Синайскимъ ставятъ тутъ какую-то логическую ловушку.

Красоткинъ. А, можетъ быть, сами же они въ нее и попадутся. (Обращаясь къ Сократу). Я готовъ признать законность раз-

суждений Ансельма и думаю, что мысль о чём-нибудь наибольшемъ, чёмъ все другое, совершенно возможна, и что было бы противоречиемъ не признавать это наибольшее существующимъ. Конечно, такое наибольшее несомнѣнно существуетъ и есть матерія въ ея цѣломъ, которое, конечно, больше, чёмъ всякая другая отдельная материальная вещь.

Сократъ. Т. е., значитъ, матерія въ ея цѣломъ и есть Богъ! Я съ удовольствіемъ бы согласился съ вами, если бы не представлялось одного маленькаго затрудненія. Не говоря уже о томъ, что, какъ прошлый разъ мы видѣли, матерія не существуетъ сама по себѣ, воображать ее какъ наибольшее невозможно, потому что она не составляетъ и не можетъ составить никакого цѣлага. Всякое материальное наибольшее было бы количественнымъ, а въ области количества не можетъ быть наибольшаго, т. е., чего нибудь такого, больше чего нельзя было бы себѣ представить. Едва мы только представимъ какое нибудь количество матеріи наибольшимъ по пространству-ли, по времени или же по числу его элементовъ, то сей-часъ же это представление уступаетъ мѣсто другому о еще большемъ количествѣ и т. д. безъ конца. Дѣло въ томъ, что выраженіе наибольшаго, употребленное Ансельмомъ, можетъ повести къ недоразумѣнію, въ которое, какъ мнѣ кажется, вы и впали. Собственно онъ разумѣлъ это наибольшее не въ количественномъ отношеніи, а въ качественномъ. Въ послѣдствіи ансельмово доказательство было исправлено и стало известнымъ въ философіи въ формѣ, данной ему Декартомъ. Замѣнено понятія наибольшаго понятіемъ совершеннѣйшаго онтологическое доказательство у Декарта принимаетъ болѣе ясное выраженіе. Если кто либо подумаетъ о Богѣ, какъ о совершеннѣйшемъ существѣ, и въ то же время будетъ отрицать его существованіе т. е. предполагать, что этому совершеннѣйшему не достаетъ того, что есть у самаго ничтожнѣйшаго существа, т. е., бытія, тотъ впадаетъ въ противорѣчіе.

Красоткинъ. А нельзя-ли и противъ совершеннѣйшаго обратить ваше же выраженіе, сдѣланное сейчасъ по поводу наибол-

шаго, т. е., что едва мы только представимъ себѣ совершиеннѣйшее существо, такъ же сейчасъ же намъ представится еще болѣе совершенное и т. д.

Сократь. Ну, разница между этими двумя случаями существенная! Въ области количества нѣтъ никакой возможности, хотя бы на время, остановиться на наибольшемъ, потому что здѣсь безпрерывная возможность увеличенія или уменьшенія составляетъ самую сущность количества. Конечно, и въ области качества возможенъ переходъ отъ однѣхъ *степеней* къ другимъ, но для этого перехода всегда нужно какое нибудь основаніе, виѣшнее относительно самой той ступени качества, на которой мы остановились мыслю. Такъ въ области нравственной, конечно, могутъ быть различныя ступени нравственного совершенства, но когда мы представимъ, напр., съ точки зрѣнія какой либо нравственной системы, положимъ христіанской, полную безгрѣшности, т. е., до послѣдней юты выполненіе христіанскаго нравственного закона, то едва ли можетъ быть по-воду къ представленію еще большаго нравственного совершенства. Или, говоря иначе, для христіанина невозможно представление еще высшей нравственной ступени, чѣмъ та, какую онъ представляетъ себѣ въ Спасителѣ І. Христѣ. Или, напр., въ буддизмѣ, съ точки зрѣнія буддизма, едва ли можно представить еще большую ступень нравственного совершенства, чѣмъ та, которую буддисты представляютъ себѣ въ Буддѣ. Тоже можно сказать и объ другихъ отношеніяхъ въ области качества.

„Но, однако, поостережемся вдаваться въ многочисленные вопросы, которые могутъ возникать по поводу такъ называемаго онтологического доказательства. Эти вопросы для насъ *подобочные* и могутъ завести насъ далеко въ сторону отъ этого предмета, для объясненія котораго мы и повели рѣчь объ этомъ доказательствѣ, а именно отъ понятія бытія, даннаго Кантомъ. Впрочемъ, если въ вѣчномъ, безвременномъ бытіи есть продолженіе нашихъ бесѣдъ, то мы придемъ инымъ путемъ къ вопросу о Богѣ и Его существованіи съ точки зрѣнія разума. (Обращаясь ко мнѣ). Итакъ, Ила-

тонъ Михайловичъ, возвратимся же опять съ вами къ нашему предмету.

Я. Я нахожу, что отступление въ нашемъ разговорѣ, выяснило для меня одно, какъ мнѣ кажется, важное обстоятельство. Мнѣ думается, что прежде чѣмъ разсуждать о возможности вывести изъ идеи или понятія о Богѣ его бытіе, надобно было бы Ансельму, Декарту, или кому другому выяснить точно, что собственно мы разумѣемъ подъ бытіемъ не Бога, а вообще чего-быто ни было. Я нахожу, что если философы сдѣлали этотъ пропускъ, то всѣ ихъ разсужденія о бытіи Бога должны были быть болѣе или менѣе шаткими.

Сократъ. Ваши замѣчанія мнѣ кажутся какъ нельзя болѣе вѣрными. Дѣйствительно, въ философіи существуетъ тотъ важный проблѣмъ, что философы систематически не занимались изслѣдованиемъ значенія понятія бытія, а говорили о немъ вскользь, мимоходомъ. Разсуждали о существованіи Бога, и разныхъ существъ, о существованіи атомовъ, матеріи, пространства, времени, но вопросъ о томъ, что значитъ существовать, былъ какъ бы несточущимъ вниманія, или же казался такимъ общеизвѣстнымъ, о которомъ не стоять и разсуждать. Самый яркій примѣръ этому мы встрѣчаемъ у того же Декарта. Когда по поводу его знаменитаго положенія: „я мыслю, слѣдовательно существую“, пошель споръ о правѣ на это положеніе, то разсуждали всего больше о томъ, есть ли оно силлогистической выводъ изъ посылокъ, или же выраженіе факта, или же индукція. Но самое главное, именно: что значитъ быть или существовать, предполагалось всѣмъ извѣстнымъ. Даже самъ Декартъ, сколько я помню, при этихъ спорахъ выразился такъ, что едва-ли кто либо столь безмысленъ, чтобы не знать, что значитъ бытіе.

Я. Кажется, Кантъ и хотѣлъ восполнить этотъ недостатокъ; по крайней мѣрѣ, онъ опредѣляетъ бытіе, говоря, что оно есть „положеніе вещи“. Но что онъ хотѣлъ сказать этимъ опредѣленіемъ: „положеніе вещи“, я не совсѣмъ понимаю. Дальнѣйшія

объясненія Канта совершенно сбивають меня съ толку и дѣлаютъ такое впечатлѣніе, что какъ будто это „положеніе“ ничего не значить, или что какъ будто-бы положить или поставить веcъ вовсе не значитъ думать про нее ту особенность, которая и составляетъ самый важный пунктъ, когда мы споримъ о томъ, существуетъ ли веcъ или не существуетъ, напр., когда мы споримъ о томъ существуетъ-ли эфиръ, существуютъ-ли атомы, существуетъ-ли душа, добрые или злые духи и т. под.—Когда мы говоримъ про что либо, что оно „есть“, напр., Богъ есть, то этимъ, какъ выражается Кантъ, мы ничего не прибавляемъ къ понятію Бога. Повидимому, по Канту, все равно, что сказать Богъ есть, или сказать, что подъ Богомъ разумѣется существо съ такими-то и такими-то признаками т. е., изложить мнѣніе или понятіе о Богѣ. По крайней мѣрѣ, его примѣрѣ, что 100 дѣйствительныхъ талеровъ ничего не заключаютъ больше въ нашей мысли, сравнительно съ 100 возможными талерами, ведеть къ такому пониманію. Если я даю понять, что разумѣть Кантъ, когда онъ говоритъ, что „понятія бытія есть понятіе опытное“, или когда онъ говоритъ, что „реальное опредѣленіе есть признакъ, заимствуемый впѣ области понятія и увеличивающій его содержаніе“, то мнѣ кажется, что Кантъ этимъ хочетъ сказать, что реальный признакъ бытія состоить въ томъ, что веcъ, за которую онъ утверждается, доступна чувственному опыту или прямому выводу изъ него. Если это такъ, то кажется тогда совершенно справедливо опроверженіе Кантомъ онтологического доказательства, но тогда оно похоже на опроверженіе теперь не рѣдко встрѣчающихся школьниковъ, которые самоувѣренno отрицаютъ Бога потому только, что Его нельзя видѣть или осознать.

Карамазова (съ волненiemъ). Господи! какъ все это трудно, а между тѣмъ дѣло касается того, что всего важнѣе для настѣ, именно Бога. Хотѣлось-бы мнѣ все это понять, но я не знаю, какъ. Помогите, Сократъ Ивановичъ!

Сократъ Употреблю всѣ свои усилія, Катерина Ивановна! Но при этомъ прошу извиненія у присутствующихъ, если мнѣ при-

дется лишний разъ что нибудь повторить изъ сказанного Платономъ Михайловичемъ. Мысли и выражения Канта я буду приводить безразлично изъ обоихъ мѣсть, гдѣ онъ говоритъ о понятіи бытія. При этомъ я буду просить Платона Михайловича, слѣдить не ошибусь ли я, или не искажу ли я въ чёмъ либо слова или мысль Канта.

„Говоря, что мысль о бытіи ничего не прибавляетъ къ тому, къ чему она присоединяется, Кантъ хочетъ сказать, напр., что когда я выскажу все то о вещи, что я вижу въ ней зрѣніемъ, и потомъ, пощупавши ее, присоединю, что она мягка или тверда, гладка или шероховата и т. п., то я нечего прибавлю къ ея понятію, увеличу его содержаніе; но когда я что нибудь выскажу о вещи и потомъ еще присоединю къ сказанному, что она существуетъ, то этимъ ничего не прибавлю къ понятію обѣй ней и не увеличу его содержанія. Когда я скажу про 100 талеровъ или рублей, что они серебряные, что они ходячая монета, что имѣютъ вытиснутый государственный гербъ и т. д., то это можно обѣихъ сказать одинаково, имѣемъ ли мы ихъ только въ мысли, или же въ рукахъ или въ карманѣ, т. е., какъ говорится, дѣйствительно. Прибавка слова: есть, ничемъ это понятіе не увеличивается.

„Но вы спросите, можетъ быть, о томъ, что интересуетъ и Платона Михайловича, что же значатъ слова Канта, когда онъ говоритъ, что бытіе есть „положеніе“, или даже „абсолютное положеніе“ вещи? Совершенно яснаго и точнаго отвѣта, сколько помнится, на такой вопросъ у Канта не найдется, но некоторые объясненія и примѣры, приведенные имъ, по моему, даютъ понять, что это „положеніе“ относится не къ понятію бытія, а только къ словесной формѣ, въ которой мы выражаемся, говоря о бытіи. „Существование въ тѣхъ случаяхъ, говоритъ Кантъ, когда мы употребляемъ его въ нашей обыкновенной рѣчи, какъ предикать или сказуемое, т. е., когда мы говоримъ безотносительно, что А есть, есть предикать собственно не самой вещи, а скорѣе той

мысли, которую мы имъемъ объ этой вещи; напр., морской единорогъ существуетъ, а земноводный нѣтъ. Этимъ ничего другого не говорится какъ то, что представлениe морского единорога есть опытное понятіе, т. е., представлениe существующей вещи, а потому убѣжденія въ истинности сужденія о существованіи таковой вещи нечего искать въ понятіи субъекта, потому что тамъ находятся только предикаты возможности, но въ *происхождениi* познанія, какое я имъю о субъектѣ. Тогда говорять: я видѣлъ его или слышалъ отъ тѣхъ, которые видѣли". Изъ этихъ нѣсколько запутанныхъ словъ выходитъ, что къ слову: *есть*, нужно сдѣлать мысленно или же явно добавку, что предметъ, о которомъ мы думаемъ, подлежитъ чувственному опыту. Нѣтъ этой добавки, или нельзя подразумѣвать ее, то слово: есть, ничего не выражаетъ, ибо оно само по себѣ — пустое слово. Безотносительность этого слова по формѣ, или громковзучащее „абсолютное положеніе“ ничего не значитъ; на немъ ничего не основано. Что именно такова дѣйствительно мысль Канта доказывается его словами, въ которыхъ онъ объясняетъ, что затрудненіе и смышеніе возможности предмета съ дѣйствительнымъ его бытіемъ возникаетъ для насъ только тогда, идетъ рѣчь о „предметахъ чистаго мышленія“, напр., тогда, когда мы говоримъ въ формѣ „безусловнаго положенія“: Богъ есть.

Я. Извините, Сократъ Ивановичъ, если я перервусь для уясненія дѣла. Скажите примѣръ, въ которомъ было бы не „абсолютное положеніе“, а относительное.

Сократъ. Напр., Богъ есть творецъ міра. Тутъ не абсолютное положеніе, а условное, по отношению къ творенію міра. Грамматическая разница въ томъ, что здѣсь слово: есть, составляетъ связку, а тамъ *сказуемое*. Но, какъ здѣсь связка не прибавляетъ никакого нового значенія къ смыслу подлежащаго и сказуемаго, такъ тамъ сказуемое не придаетъ никакого нового значенія подлежащему.

„Итакъ, относительно предметовъ чистаго мышленія можетъ быть затрудненіе, потому что мы лишены всякихъ средствъ знать о бытіи ихъ, но относительно предметовъ чувствъ не можетъ быть

никакого затрудненія и смѣшенія, какъ говоритъ Кантъ, ибо бытіе заключается въ ихъ понятіи. Изъ всего сейчасъ сказанного очевидно, что существуетъ для Канта лишь то, что видимо, слышимо, пахнетъ и т. д., значитъ, онъ подъ бытіемъ разумѣеть тоже, что подъ своей категоріей действительности, т. е., связь того, что дѣйствительно, съ условіями опыта или ощущенія.

„Теперь весьма умѣсто сдѣлать то, что вамъ было желательно, Платонъ Михайловичъ, а именно сравнить съ кантовыми понятіемъ бытія идею о бытіи Юма. Вотъ точныя слова Юма, которыя я нашелъ послѣ разговора съ вами (вынимаетъ изъ кармана бумажку и читаетъ): „идея бытія, говоритъ Юмъ, совершенно также, что и идея чего либо, что мы разумѣемъ существующимъ. Размышлять просто объ какой нибудь вещи и размышлять объ этой вещи, какъ объ существующей, рѣшительно нѣтъ никакой разницы. Эта идея, когда она присоединена къ идеѣ какого либо предмета, ничего къ ней не прибавляется. Все, о чёмъ мы ни думаемъ, мы полагаемъ существующимъ. всякая идея, которую намъ вздумалось бы образовать, есть идея существа, а идея существа есть всякая идея, какую бы намъ вздумалось образовать. Кто не допускаетъ этого, тотъ долженъ необходимо показать то особое впечатлѣніе, отъ котораго произошла идея существованія и долженъ доказать, что это впечатлѣніе неотдѣлимо отъ всякой перцепціи, которую мы считаемъ существующею. Но мы можемъ сказать безъ малѣйшаго колебанія, что это невозможно“. Изъ этихъ словъ Юма ясно, что та мысль, которая соотвѣтствуетъ слову: бытіе, ничего не присоединяетъ, по Юму, къ перцепціи вообще, т. е., ни къ впечатлѣніямъ, ни къ происходящимъ отъ нихъ идеямъ; а такъ какъ, по Юму, есть только два эти умственныхъ состоянія, то слово: бытіе, не означающее никакого состоянія, есть пустое слово. Конечно, можно было бы спросить Юма, зачѣмъ же это ничего не означающее слово присоединяется ко всѣмъ перцепціямъ. Далѣе можно спросить, что это значитъ, что мы не довольствуемся обозначить, напримѣръ, то особое состояніе, знакомое только обладающему

зрѣніемъ, словомъ: красное, но прибавляемъ непремѣнно къ этому слову: есть? Что хотимъ мы сказать этойю прибавкою слова: есть? Отвѣта на эти вопросы мы у Юма не найдемъ.

Серебрякова. Да, кажется, ясно, что говорится словомъ: есть, именно, что существуетъ только красное, синее, гладкое, шероховатое, т. е., то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ.

Сократъ. Такъ какъ вы, подобно Юму, ничего не объяснили то я опять предлагаю тотъ-же вопросъ: что же мы хотимъ сказать этимъ: есть или существуетъ? Развѣ не достаточно сказать красное, синее, холодное? Зачѣмъ же еще прибавляется: есть или существуетъ?

Красоткинъ. Да просто мы этимъ хотимъ назвать то общее, красному, синему, холодному, теплому, соленому, что они позна-ваемы внѣшними чувствами.

Сократъ. Да зачѣмъ же намъ два слова или выраженія? Вѣдь, мы и выражаемъ это общее синему, красному и т. д., говоря, что они позна-ваемы внѣшними чувствами или доступны внѣш-нимъ чувствамъ. Зачѣмъ еще слова: „есть“, или „суть“, или „существуетъ“? Кромѣ того мы выражаемся и такъ: все, доступное внѣшнимъ чувствамъ, существуетъ. Опять спрашивается, что мы хотимъ сказать этимъ словомъ: существуетъ?

Красоткинъ. Да, вѣдь, бываетъ же, что двумя словами выра-жается одно и то же понятіе; вѣдь, употребляются-же синонимы. Мне кажется, что это совершенно не важно и что вы тутъ из-лишне придираетесь къ слову. Понятно всѣмъ и каждому, что прежде, чѣмъ быть чѣмъ либо, надо быть вообще.

Сократъ. Вотъ это-то, именно, и оказывается непонятнымъ, хотя кажется очень понятнымъ. Вѣдь, вотъ и Декарту казалось такъ понятнымъ сказать: „я мыслю, слѣдовательно, я существую“. Вѣдь, и ему казалось, что если онъ мыслитъ, то, конечно, и существо-ваетъ. Дѣло, однако, оказалось не такъ просто; съ Декартомъ современные ему философы и ученые завели обширный споръ, го-воря, что онъ тогда только имѣеть право на свой выводъ, когда

онъ докажетъ большую посылку: все мыслящіе существуютъ. А этой посылки нельзя доказать, если мы не знаемъ, что значитъ существовать!

„Если мы къ этому примѣру приложимъ объясненіе Юма, т. е., что слова: все мыслящіе существуютъ, значитъ тоже самое, что просто: все мыслящіе, то у Декарта не выйдетъ ни большой посылки, ни силлогизма, ни вывода—ровно ничего. Будетъ* только подлежащее: все мыслящіе, ожидающее себѣ сказуемаго.

Я. Да мнѣ кажется, Сократъ Ивановичъ, что вы добиваетесь чего-то невозможнаго. Вѣдь когда вы спрашиваете, чтобы вамъ сказали, что значитъ слова: „есть“, или „суть“, или „существуютъ“, то вы, повидимому, хотите чтобы вамъ сказали понятіе, которое было бы абстрактнѣе, болѣе общее, чѣмъ понятіе: „быть“, „существовать“. Но, вѣдь, это невозможно: что-жъ можетъ быть болѣе общимъ, чѣмъ понятіе: „быть“? Вѣдь, всякое другое понятіе объясняется透过 понятіе: быть. Шопенгауэръ говоритъ, что „самое общее понятіе, т. е., бытіе, есть *почти* ничто иное, какъ слово“. Онъ насмѣхается надъ профессорами философіи, которые, думая, что словечко: бытіе, звучить гораздо внушительнѣе, чѣмъ вульгарный матеріальный тѣла, употребляютъ это словечко, разумѣя подъ нимъ стоящіе передъ ними столы и стулья.

Сократъ. Значитъ, и Шопенгауэръ раздѣляетъ съ Кантомъ и Юмомъ то мнѣніе, что понятіе бытія есть только слово. Правда, прибавка къ этому ограниченію—*почти* показываетъ, что и Шопенгауэръ также, какъ и Кантъ и Юмъ, какъ будто что-то и разумѣютъ подъ этимъ словечкомъ, хотя, очевидно, не могутъ дать въ томъ надлежащаго отчета. Мнѣніе Шопенгауера, что бытіе есть самое абстрактное понятіе, есть довольно распространенное мнѣніе, но, по моему, оно ошибочно. Въ послѣдствіи, можетъ быть, мы уви-видимъ, что понятіе бытія образуется вовсе не путемъ такъ называемой абстракціи. Что касается до остроумной насмѣшки Шопенгауера надъ профессорами философіи, то, къ сожалѣнію, и самъ кумиръ Шопенгауера, Кантъ, тоже думаетъ, что бытіе приличест-

вуетъ только тому, что можно увидѣть или пощупать, т. е., столамъ и стульямъ. Гораздо глубже, хотя также не удовлетворительно, у Шопенгауера другое определеніе понятія бытія, по которому „бытіе есть то, что наполняетъ настоящее время, или оно есть пунктъ соприкосновенія субъекта съ объектомъ“. Но объ этомъ, вѣроятно, намъ придется сказать послѣ; а теперь сравнимъ понятіе бытія у Канта и у Юма. Существенное сходство ихъ, по моему, состоить въ томъ, что, по Юму, идея бытія не есть копія, какого либо „впечатлѣнія“; а Кантъ тутъ же самую мысль выражаетъ, говоря, что бытіе не есть „реальный признакъ вещи“. Отсюда неизбѣжно выходитъ, что если не придавать, какъ то и слѣдуетъ, никакого значенія ничего яснаго не выражающимъ словамъ Юма о томъ, что „идея бытія сопровождается всякою перцепцію“ и Канта, что „бытіе есть положеніе вещи“, то у обоихъ философовъ бытіе есть только слово, не соотвѣтствующее никакой мысли или, по крайней мѣрѣ, определенной мысли. У Канта это особенно ясно вытекаетъ изъ тѣхъ словъ, гдѣ онъ говоритъ, что „бытіе есть предикатъ не вещи, а скорѣе нашей мысли, которую мы имѣемъ о вещи“. Очевидно, что это совершенно не точно. Говоря, напр., что морской единорогъ существуетъ, мы говоримъ вовсе не о мысли объ его существованіи, а объ немъ самомъ. Значитъ, мы не имѣемъ, по Канту, никакого понятія о бытіи вещи, а только одно мнѣніе или иллюзію, что мы будто бы имѣемъ это понятіе.

Я. Но что вы скажете на счетъ того, что большинствомъ философовъ теперь признано, что Кантъ опровергъ онтологическое доказательство бытія Божія?

Сократъ. Прежде всего я долженъ сказать, что онтологическое доказательство, которое подвергаемо было Кантомъ критикѣ, имѣть вообще много недостатковъ, подробное изложеніе которыхъ теперь только заставило бы насъ безполезно уклониться въ сторону отъ нашего предмета. Нѣть ни одного понятія, входящаго въ это доказательство, которое было бы определено и не вело бы къ какимъ либо противорѣчіямъ, въ смыслѣ и происхожденіи котораго

мы могли бы дать себѣ полный и ясный отчетъ. Таковы, напр., понятія *всесовершенійшаго, всереальнѣйшаго* существа; понятія действительности, возможности и проч. Но всѣ эти неясности и неопределенности отступаютъ на второй планъ передъ самимъ главнымъ недостаткомъ, лежащимъ въ основѣ и всѣхъ другихъ. Какъ вы совершенно справедливо давеча замѣтили, въ этомъ доказательствѣ нѣтъ никакого опредѣленія самого главнаго понятія, —бытія. Очевидно, что, когда мы не можемъ дать себѣ яснаго и отчетливаго представлѣнія о томъ, что мы разумѣемъ подъ существованіемъ, то споръ о существованіи не только Бога, но вообще чего бы то ни было, а также и споръ о средствахъ доказать это существованіе не будетъ имѣть никакой твердой почвы для его рѣшенія. Но, не смотря на все это, не смотря даже на то, что Кантъ, съ своеї точки зрѣнія, совершенно *справедливо* говоритъ, что понятіе бытія не принадлежитъ къ реальнымъ признакамъ вещи, что собственно у него значитъ, что бытіе не есть какой либо чувственно воспринимаемый признакъ, онъ все таки не опровергъ онтологического доказательства, какъ то принимается многими въ настоящее время, потому что для этого опроверженія нужно было бы встать на точку зрѣнія этого доказательства, чего Кантъ не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать. Разсмотримъ немножко этотъ вопросъ и, я надѣюсь, вы убѣдитесь въ моихъ словахъ. Главный нервъ онтологического доказательства состоить въ томъ, что, какъ мы сей-часъ видѣли, допускается возможность понятія или мысли о Богѣ т. е., что это понятіе не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія, что существованіе Бога возможно. Разъ мысль о Богѣ, т. е., мысль о высочайшемъ или совершенѣйшемъ или всереальнѣйшемъ и т. п. существѣ, возможна, то —заключаетъ онтологическое доказательство— было-бы противорѣчіемъ думать, что это совершенѣйшее существо не имѣть бытія. Но, по Канту, выходитъ, что даже *самая мысль о Богѣ не возможна* и противорѣчива. Въ ученіи „о постулятахъ эмпирическаго мышленія“ Кантъ опредѣляетъ возможность такъ, что „возможно только то, что согласно съ формальными

условіями опыта". Такъ какъ формальная условія опыта суть прежде всего пространство и время, то значитъ, возможно только то, что можетъ какъ нибудь подлежать пространству и времени. Точно также и въ учніи „объ основоположеніяхъ чистаго разсудка“ сказано: что предметы возможнаго опыта подлежать времени и пространству, могутъ быть созерцаемы и ощущаемы, а все созерцаемое дѣлимо; не дѣлимое же, по Канту, не можетъ быть созерцаемо. Но Богъ, по своему понятію, совершенно не допускаетъ этихъ кантовскихъ возможностей опыта, ибо Онъ не пространственъ, не созердаемъ, не дѣлимъ и т. п., однимъ словомъ, Богъ, по кантовой „Критикѣ чистаго разума“ не мыслимъ и представляетъ совершенно противорѣчивое понятіе; а между тѣмъ это понятіе допускается онтологическимъ доказательствомъ. Значитъ, всѣ слова Канта въ разныхъ мѣстахъ той же „Критики“ о возможности мыслить Бога, или „совершеннѣйшее существо“, или „необходимое существо“ точно также стоять въполномъ противорѣчіи съ учніемъ его теоретической философіи или съ его теоріей познанія, какъ стоитъ съ нею въ противорѣчіи его утвержденіе о существованіи „вѣщи въ самой себѣ“.

„Въ заключеніе не могу не сдѣлать еще одного замѣчанія объ отношеніи Канта къ доказательству бытія Божія. Тотъ самый Кантъ, который въ „Критикѣ чистаго разума“ считаетъ невозможнымъ доказать бытіе Божіе, потому что Богъ есть предметъ разума, т. е., предметъ не подлежащий времени, пространству и чувственному опыту, за одинадцать только лѣтъ до этой „Критики“ въ сочиненіи: „О формѣ и началахъ міра чувственного и умственного“¹⁾ въ сочиненіи, съ котораго, по общепризнанному мнѣнію, начинается критическій періодъ его философіи, отвергаетъ, какъ нелѣпое, положеніе: „все существующее существуетъ гдѣ либо и когда либо“, положеніе, признавшееся нѣкоторыми представите-

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи Канта позволю себѣ рекомендовать мою книгу: „Генезисъ и проч.“ Глава VI.—Примѣчаніе редактора.

лями вольфіанской школы за аксіому. На основанії этой мнимой аксіомы, по мнѣнію Канта, происходятъ странныя разсужденія о времени возникновенія и о мѣстопребываніи души, или еще болѣе нелѣпые вопросы о мѣстѣ и времени Бога, котораго помѣщаютъ въ безконечное пространство или въ вѣчное время. Если сопоставить этотъ взглядъ Канта съ критеріями бытія „Критики чистаго разума“, по которой оно есть опытное понятіе, то выходитъ противорѣчіе непримиримое.

Въ это время вошла въ комнату дочь Сократа и, размѣнявшись взглядомъ съ отцемъ, тихо сѣла подлѣ Карамазовой.

Я. Такъ значить Кантъ, по вашему, сенсуалистъ, а можетъ быть даже и скептикъ?

Сократъ. И то, и другое, если мы возьмемъ въ разсчетъ только одну его *теоретическую философію* или *ученіе о познаніи*. Если же примемъ во вниманіе его практическую или нравственную философію, т. е., ученіе о волѣ и чувствѣ, то окажется еще и третья, и четвертое. И все это переплелось у него въ такой *запутанной форме*, что очень мало, по моему, производителъ тотъ тяжелый трудъ, который постоянно предпринимала послѣ Канта и до сихъ поръ исторія философіи для того, чтобы разобрать, истолковать и упорядочить систему Канта и привести ее къ одному знаменателю, или къ какой нибудь *одной точкѣ зренія*. Мало производителъ этой трудъ, потому что неѣть никакой возможности соединить сенсуализмъ или скептицизмъ его „Критики чистаго разума“ съ его метафизикой, представляющей видоизмѣненіе метафизики Лейбница и выраженной главнымъ образомъ въ его „Критикѣ практическаго разума“ и „Критикѣ силы сужденія“. Между тѣмъ Кантъ потратилъ удивительную силу и ума, и воли для того, чтобы соединить эти не соединимыя теченія,— чѣмъ, конечно, невольно ввелъ въ заблужденіе исторію философіи, которая трудилась надъ тѣмъ же соединенiemъ этихъ теченій въ его философской системѣ.

Я. Значитъ, вы считаете совершенно невозможнымъ привести систему Канта въ единство?

Сократъ. Да, считаю совершенно невозможнымъ! Поэтому отъ Канта нужно или воротиться къ Локку и Юму, какъ это и дѣлалось постоянно въ Англіи, а теперь начинаетъ дѣлаться и въ Германіи; или же къ Лейбницу, Спинозѣ, Декарту, а пожалуй и къ грекамъ, какъ это вообще сдѣлано многими въ Европѣ.... Но довѣрять дневи злоба его! Находите-ли вы, Платонъ Михайловичъ, что мы достаточно выяснили нашъ вопросъ, т. е., понятіе бытія у Канта?

Я. Достаточно, но возникаетъ много новыхъ вопросовъ!

Сократъ. (Улыбаясь). Ну, безъ этого нельзя до скончанія міра и познанія! Но новые вопросы мы будемъ разрѣшать уже въ другое время, а теперь приступимъ къ „отечественному симпозіону“, а то ужъ у меня, съ позволенія сказать, червякъ подъ ложечкою запевелился. (Обращаясь къ дочери) Саша! Давай, чѣмъ заморити червяка!

Пока присутствующіе стали въ разсыпную дѣлать замѣчанія по поводу сказанного о тѣхъ или другихъ пунктахъ предшество- вавшей бесѣды, дочь Сократа быстро раскрыла складной столъ, стоявшій въ комнатѣ передъ диваномъ и, накрывши его скатертью, начала носить изъ комнаты Сократа заранѣе приготовленныя и разложенныя на тарелкахъ закуски, а также бутылки съ виномъ, посуду, ножи, вилки и т. п. Въ этомъ ей помогала Серебрякова. Такъ какъ она разставляла приносимое ею безъ системы и какъ попало, то дочь Сократа переставляла все это въ такомъ порядкѣ, чтобы всякая вещь занимала удобнѣйшее для нея помѣщеніе, захватывая возможно меныше мѣста. Затѣмъ она вышла въ кухню.

„Посмотрите“, сказаль по ея уходѣ, обращаясь къ Катеринѣ Ивановнѣ, Калгановѣ, „какъ моя будущая невѣста толково и обдуманно уставила столъ посудою и закусками. Вы видите, что въ серединѣ осталось только мѣсто для блюда съ пирогомъ. Очевидно, что она заранѣе обдумала все это и распредѣлила въ своеіъ во- ображенії“.

Затѣмъ она снова появилась въ сопровожденіи кухарки, нес-

шей пирогъ. Когда онъ былъ поставленъ на столъ и когда Сократъ приглашалъ присутствующихъ выпить водки, дочь его, замѣтивъ, что всѣмъ гостямъ не хватить мѣста около стола, быстро вынесла съ кухаркой столикъ изъ своей комнаты, накрыла его и, поставивъ нѣсколько приборовъ, посадила около него обѣихъ дамъ. Вообще она чрезвычайно толково и добросовѣстно исполняла роль хозяйки, такъ что когда увидала Синайскаго, который, вѣроятно, отъ природы застѣнчивый и несклонный, стоялъ какъ то потерянно у стола съ ножемъ и вилкой въ рукахъ, то она нашла ему мѣсто за дамскимъ столикомъ, усадила его и подала пирога.

Когда присутствующіе позавтракали, то Катерина Ивановна спросила Сократа, не можетъ ли онъ высказать свое собственное мнѣніе о возможности доказательства бытія Божія, такъ какъ ее чрезвычайно интересуетъ этотъ важный предметъ.

Сократъ. Вы, конечно, имѣете въ виду вообще доказательство бытія Божія отъ разума. Я съ своей стороны нахожу, что именно въ виду важности этого предмета всего лучше отложить бесѣду о немъ до тѣхъ поръ, пока мы вполнѣ не выяснимъ себѣ понятія бытія и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ.

Карамазова. Такъ не придетѣ ли вы, Сократъ Ивановичъ, завтра къ намъ обѣдать, и послѣ обѣда, вечеркомъ и занялись бы этимъ? Какъ вы думаете? сказала она, обратившись ко всѣмъ присутствующимъ.

Сократъ. Къ сожалѣнію я, Катерина Ивановна, не могу принять участія въ этомъ ни сегодня, ни завтра, ибо я долженъ загулять.

Карамазова. Скажите, пожалуйста, куда вы иногда пропадаете и загуливаете, какъ я это слышу и отъ васъ самихъ, и отъ Петра Фомича.

Сократъ. Такъ, значитъ, Петръ Фомичъ, говоря, что я загуливаю, не разболталъ—иди и какъ; а я, грѣшный человѣкъ, подумывалъ, что онъ разблаговѣстилъ. Ну, спасибо за секретъ! Конечно, это не большой секретъ, но послѣ такого возвышенного предмета,

о которомъ мы бесѣдовали сегодня, говорить о мизеріяхъ человѣческой жизни не подобаетъ, а потому я и умолчу о нихъ на нынѣшній разъ.

Карамазовъ. Да и не нужно удовлетворять пустое женское любопытство! А вы вотъ что лучше скажите мнѣ, Сократъ Ивановичъ, если не устали. Показалось мнѣ, что вы сегодня говорили о Кантѣ съ нѣкоторою горечью, а между тѣмъ, помнится, всегда заявляли высокое свое уваженіе къ этому философу. Что это значитъ?

Сократъ. Вотъ вашъ вопросъ, Алексѣй Федоровичъ, скорѣе касается моихъ секретовъ, именно, одной изъ ранъ моего сердца. Точно вы будто спрашиваете, объ моихъ отношеніяхъ къ какой либо женщинѣ, которая или сама мнѣ измѣнила, или которой я измѣнилъ. Для человѣка, какъ я, всѣмъ сердцемъ преданного философіи, существуютъ своего рода драмы, которыхъ, къ сожалѣнію, не воспроизведены ни однимъ поэтомъ. Въ занятіяхъ этой наукой бываютъ моменты восхищенія и восторга отъ сознанія обладанія истиной, а также возникаютъ и чувства непоколебимой преданности и увѣренности въ той или другой системѣ, нисколько не уступающія по силѣ тѣмъ же чувствамъ въ любовныхъ отношеніяхъ. Съ другой же стороны бываютъ самая горькая разочарованія и тяжелое сознаніе, какъ это бываетъ и въ любви, что жиль иллюзіей и служилъ ей. Такъ и съ именемъ Канта связано для меня воспоминаніе объ одномъ изъ трагическихъ моментовъ моей философской жизни. Къ Канту я обратился подъ вліяніемъ шопенгауеровской философіи, съ которой познакомился совершенно случайно и къ которой перешель отъ материализма и отчасти позитивизма. Кантъ сталъ имѣть на меня не менѣе сильное вліяніе, чѣмъ и самъ Шопенгауэръ. Правда, я не измѣнялъ шопенгауеровской волѣ, но основанія для нея бралъ преимущественно у Канта; затѣмъ меня никогда не удовлетворяла этика Шопенгауера, между тѣмъ какъ кантовская дѣлала на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ многихъ усилий, соединивъ этику Канта съ метафизикой Шопенгауера, я года два, три наслаждался сознаніемъ обладанія удовлетворяющею

философскою истиною. Но счастіе мое было не прочно. Нѣкоторые весьма важные пункты, какъ въ философії Канта, такъ и Шопенгауера, на которые я прежде не обращалъ должнаго вниманія, стали тревожить меня съ постоянно возрастающею силою и наконецъ привели къ сознанію, что я истиною еще не обладаю, а что необходима еще новая и напряженная борьба за нее. Борьба эта кончилась тѣмъ, что и Шопенгауеръ, и Кантъ и, даже, можно сказать, по преимуществу Кантъ, перестали быть моими вожатыми въ философской истинѣ. Конечно, я нисколько не потерялъ ни уваженія, ни симпатіи къ Канту и Шопенгауеру, но это уваженіе сравнительно съ прежними чувствами и отношеніями поклоненія и безусловной довѣренности слишкомъ холдно и можетъ даже соединяться съ нѣкоторою горечью.

Карамазовъ. Почему же вы прежде не замѣтили тѣхъ пунктовъ о которыхъ говорите?

Сократъ. Сомнительныхъ пунктовъ не замѣтилъ я прежде вслѣдствіе того, что во мнѣ все еще таились слѣды материализма и позитивизма, которые были мою философіей въ молодости и отъ которыхъ я считалъ себя совершенно освобожденнымъ черезъ философию Шопенгауера и Канта. Между тѣмъ это было ошибочно. Позитивизмъ у самого Канта свилъ себѣ гнѣздо въ „Критикѣ чистаго разума“ и даже, какъ это всегда бываетъ, нѣсколько переходилъ въ материализмъ, такъ что наиболѣе свободна отъ нихъ была только практическая философія Канта, но она совершенно не соединима съ его теоретической. Что касается до Шопенгауера, то, благодаря его остроумнымъ и чрезвычайно энергическимъ выходкамъ противъ материализма, какъ противъ философіи цирюльниковъ и аптекарскихъ помощниковъ, я, несмотря на указанія его противниковъ, не замѣчалъ его несознаваемаго сближенія съ материализмомъ.—Впрочемъ, я всегда буду чувствовать благодарность къ Шопенгауеру и Канту за то, что они все таки избавили меня отъ увлечения материализмомъ въ той его болѣе грубой формѣ, въ которой онъ выраженъ у Бюхнера, и далѣе—отъ увлечения сенсуа-

лизмомъ, который я зачерпнулъ у Фейербаха и—позитивизмомъ, которымъ я нѣсколько времени увлѣкался чрезъ посредство сочиненій О. Канта.... Впрочемъ я, кажется, начинаю вдаваться въ исторію своихъ странствій въ области философіи, исторію весьма получительную, но которой заниматься теперь не время.

Карамазовъ. Кто же теперь вашъ философскій кумиръ?

Сократъ. Теперь я уже выучился слѣдовать заповѣди: *не сотвори себѣ кумира*, и стать во всѣхъ высшихъ и лучшихъ проявленіяхъ индивидуального духа узнавать и чтить мощь и силу всеобщаго духа.

Послѣ этого поднялся вопросъ о томъ, когда и гдѣ сойтись для бесѣды о понятіи бытія и порѣшили сойтись для того вечеромъ пораньше къ Карамазовымъ въ четвергъ, при чемъ они пригласили къ себѣ и Синайскаго. Меня и Сократа съ Калгановымъ Карамазовы просили непремѣнно къ себѣ обѣдать въ тотъ же четвергъ.

Было уже часа четыре, когда мы разошлись.